

УМНОЖАЯ ХАОС: 20 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

С. В. Сивуха

Классические работы Дж. Колмана и П. Бурдьё, посвященные социальному капиталу (СК), привлекли внимание академического сообщества в конце 1980-х гг. Спустя 15 лет это понятие стало вторым по важности и частоте использования (после глобализации) в социальных науках (Fine, 2004) и, пожалуй, еще более экспансивным и размытым. После 2000 г. опубликовано несколько индивидуальных и коллективных монографий, инспирированных Всемирным банком, ведущими научными фондами и национальными советами по науке. Большинство авторов констатирует эклектическое нагромождение идей в программах исследования СК.

Первая проблема касается дефиниции понятия. Хаос в определениях замечен даже при беглом взгляде. Как правило, авторы начинают с цитирования или пересказа несопоставимых определений Дж. Колмана, П. Бурдьё и Р. Патнэма, а далее либо считают вопрос исчерпанным, либо добавляют собственную дефиницию, удобную для изложения полученных результатов. Обычно определения синкретичны и включают структурные (сеть) и культурные (доверие, нормы) элементы, связи между которыми еще следует эксплицировать. Нередки функциональные определения, порождающие тавтологию и иные логические проблемы (Kadushin, 2004).

Вторая проблема связана с отсутствием ясной концепции. Несоизмеримы классические подходы. У Дж. Колмана СК выступает как средство рационального решения проблемы ограниченных общественных благ и последствий индивидуального эгоистического поведения. Его концепцию невозможно понять вне особых методологических установок, связанных с решением проблемы микро- и макроповедения (Coleman, 1990). П. Бурдьё находится на противоположном конце идеологического спектра. Для него СК – инструмент принуждения и власти, в некотором смысле, служит эвфемизмом для социальной стратификации (см. Fine, 2001). Концептуальное противоречие заложено в термин СК: ошибочно думать (по меньшей мере, с позиций марксистской политэкономии), что другие формы капитала асоциальны. Ведущие экономисты сомневаются в том, что СК является капиталом (Aggou, 2000). Настаивая на том, что СК создает индивидуальные и коллективные выгоды, авторы редко раскрывают механизмы такого производства. В докторской диссертации А. Т. Конькова «обоснован интегрирующий подход к определению социального капитала» (2006, с. 10). Вероятно, эта задача была решена автором где-то подстрочной сноске, поскольку механизм интеграции в основном тексте не просматривается.

Не решенной остается проблема носителей СК. Критики указывают на неизбежную тавтологию в понимании СК как общественного или коллективного блага (Portes, 1998; Edwards, Foley, 1998). Насколько мне известно, вопросы, поставленные А. Портесом и другими, не получили убедительного ответа в литературе. Необходимость «многоуровневого подхода» скорее декларируется, чем доказательно обосновывается (Dasgupta, 2000; Halpern, 2005; Turner, 2000 и др.). Отсутствие концептуальной работы особенно заметно в литературе, посвященной СК организаций (Мачеринскене и др., 2003; Нестик, 2009; Сидорина, 2007). Порой под этой рубрикой обсуждается все, что автор знает об организационных феноменах: внутри- и межорганизационные сети, доверие, организационная культура, идентичность и преданность и др.

Как следствие упомянутых проблем, выбор средств измерения СК остается целиком вопросом вкуса. Так, Дж. Твигг (2003) использует 18 частных индикаторов, сводит их к 10 более крупным и суммирует в один простой показатель для регионов России. Как признает автор, этот обобщенный показатель отражает скорее степень урбанизации и экономического благополучия регионов и коррелирует с удаленностью региона от Москвы. Эта «методика» целиком и некритично воспроизведена одним из отечественных авторов (Рогатко, 2006). Другая обзорная работа, посвященная измерению СК, содержит десятки индикаторов, связь которых с ключевым понятием не всегда раскрывается: бюджет времени, социальная мобильность, количество детей в семье, участие в выборах, доля возвращенных прохожими «потерянных» бумажников и т. д. (van Deth, 2008). В известной работе Р. Патнема (Putnam, 2000) используется 14 не связанных между собой показателей. Измерение носит срезовой характер, а результаты агрегируются в показатели штатов США. Этот шаг чреват «экологической ошибкой» (Kadushin, 2004). Самым распространенным показателем СК служит агрегированное межличностное доверие. Критики указывают, что вопрос «Всемирного опроса ценностей» о доверии смешивает доверие и доверчивость, не учитывает динамичной природы доверия, различий между «горизонтальным» и «вертикальным» доверием и причинно-следственных связей (Schuller et al., 2000). Два показателя, ключевых для Р. Патнема – доверие и участие в общественных организациях, – слабо коррелируют между собой.

Открытым остается вопрос об эффектах СК. Утверждения о его благотворном воздействии в литературе доминируют, хотя в парадоксальной форме. Часто авторы констатируют социальную проблему и находят объяснение в недостатке социального капитала (Putnam, 2000). Это излюбленный прием экономистов и социологов Всемирного банка. Идентифицировав провал социальной или экономической программы в развивающейся стране, они обычно рекомендуют усовершенствовать законодательство, бороться с коррупцией и поддерживать третий сектор. Универсальность рекомендаций наводит на мысль о том, что они скорее основаны на здравом смысле. Порой авторы проявляют большую изобретательность, связывая зависимую переменную с СК (Hsung, Breiger, 2009; Rose, 1999), иногда приводят десятки социально-экономических показателей, оставляя читателям право демонстрировать собственную изобретательность (Солодовников, 2008). Парадокс состоит в том, что легче зафиксировать (и связать с предполагаемыми следствиями) отсутствие доверия, социальное исключение и уклонение от участия, чем наличие форм СК и его позитивные следствия (Rose, 2000).

В популярности понятия СК Б. Файн видит проявления экономического империализма, экономической колонизации других социальных наук (Fine, 2001). Политическую причину экспансии концепций СК он усматривает в крахе «Вашингтонского консенсуса» Всемирного банка, ориентированного (до середины 1990-х гг.) на экспорт западной модели свободного рынка и демократии в развивающиеся страны. «Поствашингтонский консенсус» с помощью обновленных концепций СК позволяет обосновать регулирующее участие государства, смягчающее недостатки рынка, и одновременно объяснить неудачи интервенций политических и экономических интервенций в развивающийся мир (Fine, 2002, 2004; см. также Соболева, 2006). В любом случае СК выступает как синоним социальности в самом широком смысле. В этой связи не совсем понятен энтузиазм социологов, измеряющих ВСЕ, что можно было бы выдать за СК.

Авторы серьезных монографий часто признают несовместимость исходных концепций, подробно обсуждают методологические проблемы, но обычно заканчивают либо в духе системного подхода, совмещая в одной таблице несколько компонентов, уровней анализа и функций (Halpern, 2005), либо парадоксальным выводом о перспективности и эвристичности исследований СК «вопреки или даже благодаря проблемной природе» этого понятия (Schuller et al., 2000, p. 23).

Вероятно, уместно прислушаться к другой позиции и оценить достоинства менее масштабных и империалистических исследовательских программ вроде сетевого капитала (Lin, 2008), сетевых ресурсов (Kadushin, 2004) и др.